

КО́СВЕННОЕ УПРАВЛÉНИЕ

Авторы: И. В. Пономарев

КО́СВЕННОЕ УПРАВЛÉНИЕ (англ. Indirect rule), система мер и законов, предусматривающая при управлении подчинённой территорией утилитарное использование традиционных вождей и правителей, конфессионального и обычного права; специфической характеристикой наиболее развитой модели косвенного управления стала попытка обоснования социальной инженерии на основе теоретических и прикладных исследований в рамках британской *[социальной антропологии](#)*.

В мировой истории существует много примеров, когда различные *[полити](#)* становились на тех или иных условиях в отношении вассал–сюзерен, но, согласно общепринятой точке зрения, косвенное управление достигло наивысшего развития в 1-й половине 20 в. в Африке. Связанный с этим историографический штамп гласит, что в британских колониях и протекторатах было введено косвенное управление, во французских и германских – прямое управление, а в бельгийских и португальских – смешанное, или квази-косвенное управление. Однако отечественные исследователи В. А. Субботин (1973), Ю. Н. Зотова (1979) и др. отмечали, что не выработаны системные критерии о различиях между прямой и косвенной системами управления, и неясно, что являлось её классической формой: «...Изучение деятельности “туземной” администрации в Нигерии показало, что практически ни косвенного, ни прямого управления, так сказать, в “чистом” виде не существовало. Самые различные административные варианты, нередко включавшие отдельные элементы той и другой системы, можно обнаружить не только в одной колонии, но в одной провинции и даже округе».

В качестве основных функций косвенного управления, которые делегировались законодательными актами (ордонансами колониальных властей) традиционным вождям и правителям, историки выделяют сбор налогов, судопроизводство, полицейский надзор и принудительный труд. Эти функции широко использовались не только в британских, но и в других европейских колониях и протекторатах. В большей части *[Германской Восточной Африки](#)* (ГВА) их исполняли чиновники-акида, набравшиеся из числа владевших грамотой и счётом мусульман-*[суахили](#)*, а во *[Французской Западной Африке](#)* (ФЗА) – кантональные вожди (франц. chefs de canton) и марабуты из среды мусульманской элиты. В британских владениях функции африканских «мытарей», судей и надсмотрщиков исполняли «уполномоченные вожди» (англ. warrant chiefs). Основным недостатком такой формы косвенного управления было то, что «вождями» иногда назначались люди, не имевшие на это полномочий согласно *[обычному праву](#)*, но лояльные по отношению к европейцам. Теоретически такие «вожди» были во всём подчинены колониальной администрации, но на деле они часто получали беспрецедентную для африканского общества власть, поэтому от их личности зависело то, насколько честно они исполняли возложенные на них функции. В ряде мест они быстро превратились в вождей-чиновников, своекорыстных и оторванных от интересов местной общины, что породило локальные народные восстания: в Южной Нигерии и Северной Гане в британской Африке, в Нигере и Мали в ФЗА, а наиболее крупное *[Маджу-Маджу](#)* – в Танганьике (ныне Танзания) на территории ГВА. Наконец, принудительный труд использовался на плантациях, фабриках и рудниках европейцев почти во всех африканских колониях, но особенно выделялись бельгийские и португальские, где он долго

сохранял черты рабства. Рабочую силу европейцам поставляли всё те же вожди-чиновники, но ту же функцию они широко исполняли и в британских колониях Южная Родезия (Зимбабве) и Кения, где в пользу белых поселенцев были отчуждены лучшие земли.

Существенные различия в функции и формы применения косвенного управления вносил характер африканских обществ: оно было относительно успешным там, где имелись развитые потестарно-территориальные объединения-«княжества» (на территории современных Уганды, Руанды, Камеруна, Сенегала и др.), но редко оправдывало себя в сегментарных общинах-«вождествах», основанных на акефалическом, неиерархическом принципе власти. С этой спецификой теснейшим образом оказались связаны два других фактора: ислам и христианство.

После завоевания Британией в 1903 г. эмиратов халифата *Сокото*, созданного *фульбе* в Северной Нигерии в начале 19 в., юридической основой его управления стали ордонансы о «туземных» властях, в руках которых был оставлен сбор налогов, судопроизводство и полицейский надзор, но выбор и смещение эмиров стал жёстко контролироваться британцами. Вначале эта форма косвенного управления была близка той, которая сложилась в 19 в. в Индии, разделённой на «британскую», где было введено прямое управление, и «туземную», где княжества сохраняли автономию во внутренних делах. Политика косвенного управления в Индии осуществлялась на основе неравноправных (субсидиарных) договоров с индуистскими и мусульманскими князьями при постоянной угрозе применения военной силы. В Африке схожим путём подчинения развитой исламской системы управления колониальным интересам шли все европейские державы. Захватив эмираты фульбе в Северном Камеруне, германские власти не стали разрушать их административную структуру, а передали управление в руки своих ставленников из числа местной мусульманской знати. Той же тактики на первом этапе колониального захвата часто придерживалась и Франция в эмиратах Мавритании и Мали и в султанатах Нигера и Чада, а в случае полукочевых племён *туарегов* и сахарских арабов Франция и в дальнейшем опиралась исключительно на их традиционные кланово-кастовые структуры.

Сложнее была связь косвенного управления с деятельностью католических и протестантских миссий. Взяв на себя обеспечение коренного населения школьным образованием и медицинским обслуживанием, с определённого момента именно миссии стали поставлять основные кадры для нижних и средних ступеней колониальной администрации. Но своей деятельностью миссии способствовали и развитию среди африканцев частного предпринимательства, трудовой миграции, общественных и политических организаций. Те области колоний и протекторатов, где укоренялись миссии, претерпевали более радикальные экономические и социальные изменения: появление частной собственности на землю и товарного хозяйства разрушало традиционную общину. Эти тенденции вызывали нарастающие противоречия с системой косвенного управления, так как власть традиционных вождей зависела от сохранения общины, а многих локальных правителей – от сохранения «феодального» уклада.

В историографии неоднозначно оценивается роль, которую сыграл для становления британской модели косвенного управления Ф. *Лугард*. Как показал Дж. Флинт, в многочисленных публикациях лорда Лугарда и его жены Ф. Шоу в английской прессе, в его речах и официальных отчётах был создан «миф о его собственной гениальности и миф о Северной Нигерии как идеальной модели администрации» (Flint. 1978. P. 303). Эти мифы во многом были закреплены в работах британской исследовательницы Д. М. Перем (например, 1937), превозносившей Лугарда и систему «туземной» администрации, созданную им в Северной Нигерии, а потом

менее успешно адаптированную им же для южных её областей. С другой стороны, одним из решающих факторов становления системы косвенного управления явилось то, что в 1928 г. Лугард получил титул барона и вошёл в палату лордов. В 1931 г. его модель косвенного управления была принята парламентом как официальная политическая доктрина вопреки тому, что попытки распространить её уже привели к резкому обострению отношений с африканским населением в ряде протекторатов. Назначенная для расследования этих инцидентов комиссия пришла к выводу о недостатке знаний о традиционных африканских институтах у колониальных чиновников и необходимости расширения их сотрудничества с социальными антропологами. Период 1930–1950-х гг. стал золотым веком британской социальной антропологии, но далеко не системы косвенного управления.

Была создана сеть научных институтов, нацеленных на тесное сотрудничество с колониальной администрацией: Институт имени Родса и Ливингстона, Восточноафриканский институт социальных исследований, Институт западноафриканских ремёсел, искусств и социальных наук. Главную роль среди них играл основанный ещё в 1926 г. Международный институт африканских языков и культур (МИАЯК; ныне Международный африканский институт), в состав совета которого вошёл Ф. Лугард. Знаменитый семинар Б. К. [Малиновского](#) в [Лондонской школе экономики и политических наук](#) (ЛШЭПН) был переориентирован на изучение проблемы культурных контактов в Африке. Первоначально МИАЯК выделял значительные суммы на проведение дорогостоящих полевых исследований именно тем антропологам, которые прошли подготовку в семинаре Малиновского, это: Г. Браун, Г. Вагнер, Г. Вильсон, Л. Мейр, З. Ф. Надель, М. Рид, О. Ричардс, М. [Фортес](#), М. Хантер (Вильсон), И. Шапера. Фонды Рокфеллера, Карнеги и Родса также выделяли щедрые гранты на обучение социальной антропологии в аспирантуре в ЛШЭПН, Оксфорде, Кембридже и Манчестере.

Однако по многим причинам влияние антропологов на систему косвенного управления оставалось минимальным. Колониальная администрация на местах вначале почти не обращалась к ним за консультациями, а антропологи относились к чиновникам с высокомерием, характерным для академической среды. Некоторые учёные занимали должность государственного антрополога в колониальной администрации, но и это не означало, что к ним прислушивались. Сами антропологи если и выступали с критикой негативных сторон политики косвенного управления, то очень осторожно: Л. Мейр (1938) показала, что в условиях даже развитых княжеств Уганды превращение вождей [ганда](#) в чиновников вело к деградации их престижа, а О. Ричардс (1940) раскрыла негативные последствия колониальной политики для народа [бемба](#) в Северной Родезии (Замбии). Основным смыслом сотрудничества учёных с властью лежал в другой сфере: «Главная установка прикладной антропологии – содействие политике косвенного управления – получила действительно практический эффект не столько в административной сфере, сколько в идеологической, пропагандистской игре колониальных политиков, рассчитанной на дальнюю перспективу» (Никишенков. 2008. С. 373).

В условиях парламентской демократии для воздействия на общественное мнение необходимо было поддерживать позитивный имидж колониальной политики. Этой цели хорошо соответствовала расплывчатая идея косвенного управления и гуманистическая риторика социальной антропологии, бравшая свои истоки в викторианской философии, науке и литературе (Дж. С. [Милль](#), Г. [Спенсер](#), Ч. [Дарвин](#), Дж. Дж. [Фрэнсер](#), Д. [Ливингстон](#), Р. [Киплинг](#), Т. [Гексли](#)). Британская модель косвенного управления была тесно связана с идеями социальной инженерии: переустройство мира на основе научных изысканий и теорий, которое должны были возложить на себя наиболее развитые страны – «время белого человека». В среде колониальной администрации

в Индии эти идеи были широко распространены ещё в 19 в., но встретили сильный отпор со стороны местных националистов, а в Океании возможности социальной инженерии и соответственно косвенного управления были ограничены из-за низкого уровня социально-экономического развития региона. Но и в Африке эти планы оказались неосуществимы, так как в их основе лежала утопическая идея об объединении в рамках универсальной системы управления различных культур и народов. Британские политики говорили о превосходстве своей культуры, политической системы и «англосаксонской расы» (Ерофеев. 1967. С. 37). Такая позиция усилила сопротивление со стороны Франции и Германии, исходивших из типологически однородных предпосылок о собственном превосходстве, и привела в итоге к двум мировым войнам, от которых пострадали и колонии.

Хотя официально британская система косвенного управления была отменена в 1947 г., «туземная» администрация продолжала использоваться во многих колониях и протекторатах даже в условиях, когда она испытывала нарастающее сопротивление со стороны национально-освободительных движений и партий. Окончательно косвенное управление ушло в прошлое только с предоставлением странам Африки независимости.

Литература

Methods of study of culture contact in Africa / L. P. Mair, A. T. Culwick, G. M. Culwick [et al.]. – London : Oxford University Press, 1938. – (International Institute of African Languages and Cultures Memorandum ; 15).

Hardy G. Histoire sociale de la colonisation française. – Paris : Larose, 1953.

Richards A. I. East African chiefs : a study of political development in some Uganda and Tanganyika tribes– London : Faber, 1960.

Ерофеев Н. А. Закат Британской империи. – Москва : Мысль, 1967.

Flint J. E. Frederick Lugard : The Making of an autocrat (1858–1943) / ed. L. H. Gann, P. Duignan // African Proconsuls European governors in Africa. – New York : The Free Press, 1978.

Зотова Ю. Н. Традиционные политические институты Нигерии : первая половина XX в. – Москва : Наука, 1979.

General history of Africa. [Vol.] 7. Africa under colonial domination 1880-1935 / ed. by A. A. Boahen, G. Mokhtar, J. Ki-Zerbo. – California : University of California Press, 1990.

Никишенков А. А. Колониальная политика «косвенного управления»: предпосылки социального заказа ученым-антропологам // История британской социальной антропологии. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. – (Культурология XX век).

Грудзинский В. В. Великобритания и её империя в середине XIX века : либерализм и проблема модернизации. – Челябинск : Энциклопедия, 2015.